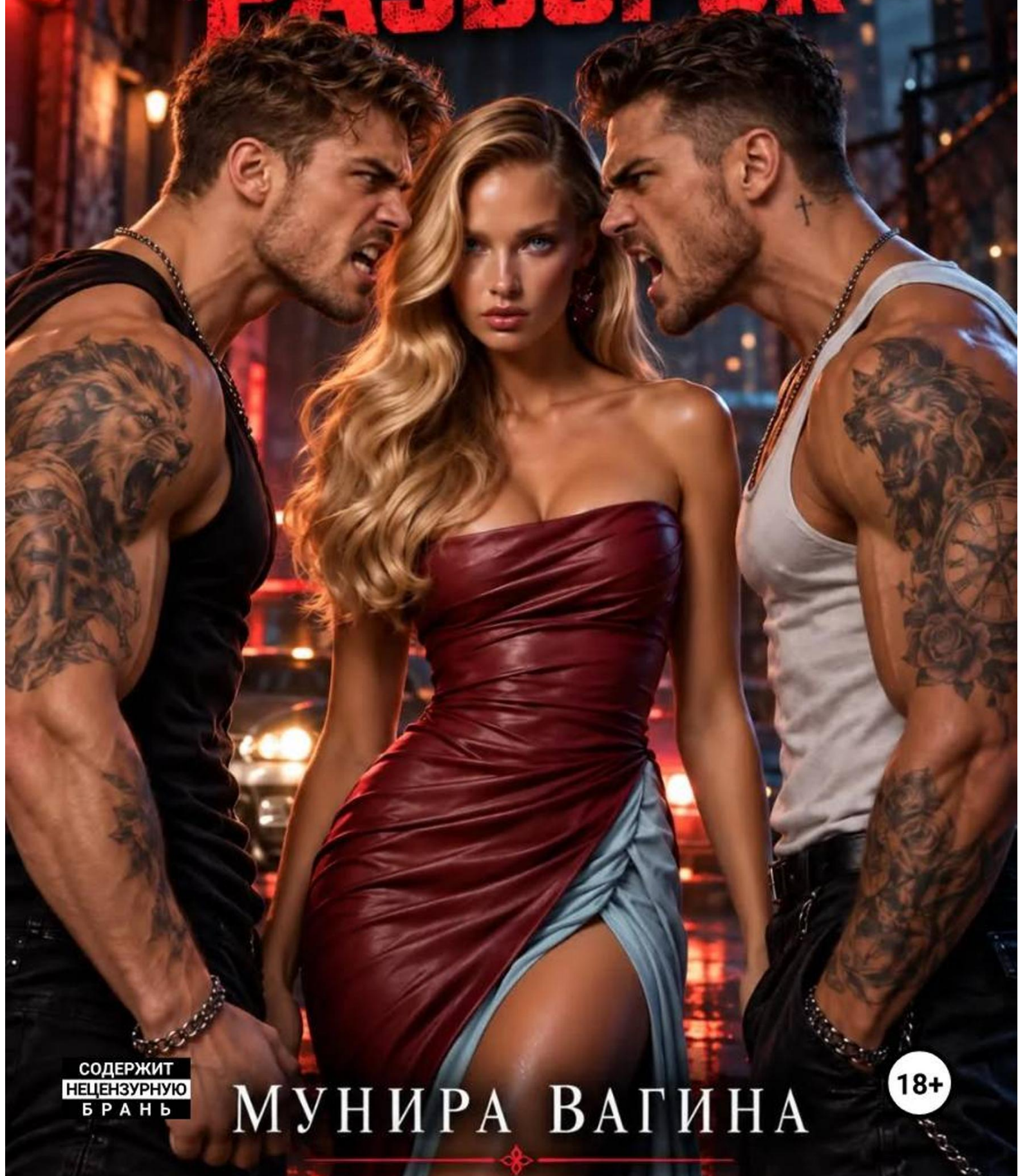

Жара МЕСТНЫХ РАЗБОРОК

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

МУНИРА ВАГИНА

18+

Мунира Вагина

Жара местных разборок

«Автор»

2026

Вагина М.

Жара местных разборок / М. Вагина — «Автор», 2026

Анжела Берг возвращается в родной приморский город всего на несколько дней — продать ресторан покойного отца и навсегда закрыть дверь в прошлое. Но уже в первую ночь становится ясно: прошлое не собирается отпускать её. Разбитые окна, угрозы, старые долги и документы, которые кто-то слишком долго прятал. А рядом — Виктор Брагин, мужчина, с которым семь лет назад у Анжелы была запретная связь и от которого она когда-то сбежала. Теперь он снова требует быть рядом и снова пытается решать за неё. Но есть ещё Роман Зорин — опасный соперник Брагина, который знает слишком много о смерти её отца. Чтобы добраться до правды, Анжеле придётся войти в игру двух мужчин, где ревность быстро превращается в угрозу, доверие — в оружие, а старая страсть вспыхивает сильнее прежнего. Когда ресторан поджигают, а цена правды становится смертельной, Анжела понимает: главная разборка идёт уже не за бизнес и не за старые долги. Теперь ставкой стала она сама. В книге присутствует нецензурная брань.

© Вагина М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Жара	5
Г	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Мунира Вагина

Жара местных разборок

Глава 1. Жара

К полудню город раскалился так, будто море, дома и люди оказались под одним огромным стеклянным колпаком. Воздух дрожал над асфальтом, белые стены слепили, а редкие деревья вдоль набережной стояли неподвижно, словно тоже устали сопротивляться июлю. Анжела Берг опустила стекло машины всего на несколько сантиметров и тут же подняла обратно. С улицы пахнуло горячей пылью, солью и чем-то до боли знакомым — жареной рыбой из прибрежного кафе, бензином, прогретым камнем.

Она не была здесь семь лет.

Семь лет — достаточно, чтобы перестать вздрагивать от названий улиц. Чтобы научиться произносить фамилии людей, оставшихся в этом городе, без внутреннего холода. Чтобы убедить себя, что прошлое имеет свойство умирать, если его достаточно долго не трогать.

Оказалось — нет.

Навигатор сообщил, что до точки назначения осталось двести метров. Анжела отключила голос и поехала медленнее. Справа мелькнула старая аптека, только вывеска теперь была зелёной. Через дорогу вместо магазина тканей появился салон мобильной связи. Кафе на углу сменило название, но пластиковая пальма у входа стояла та же самая, выгоревшая и нелепая.

А потом показался ресторан отца.

Анжела нажала на тормоз чуть резче, чем требовалось.

Невысокое здание из светлого камня стояло почти у самой набережной. Большие окна были закрыты внутренними ставнями. Над входом сохранилась потускневшая металлическая надпись «Берг». Отец когда-то смеялся, что фамилия на фасаде переживёт их всех. Тогда это казалось его обычной самоуверенной шуткой.

Теперь Анжеле захотелось выругаться.

— Молодец, папа, — тихо сказала она. — Как всегда, оказался прав.

Она припарковалась напротив и несколько секунд не выходила. Кондиционер продолжал шуметь, на руле лежали её пальцы с коротким тёмным маникюром, и всё было очень просто: открыть дверь, перейти улицу, вставить ключ в замок. Оценить помещение. Встретиться с риелтором. Подписать бумаги. Продать. Уехать.

Неделя. Максимум.

И больше никогда сюда не возвращаться.

Анжела взяла сумку, выключила двигатель и вышла в жару.

Каблуки стукнули по асфальту. Свет ударил в глаза. На ней были широкие светлые брюки, чёрный топ и тонкая белая рубашка, наброшенная поверх. Через минуту рубашка уже прилипла к спине, и Анжела раздражённо собрала волосы в высокий хвост.

У двери ресторана она задержалась.

Замок заело.

— Конечно, — пробормотала она. — А как иначе.

Пришлось дёрнуть дверь на себя и одновременно повернуть ключ. С третьей попытки внутри что-то щёлкнуло. Анжела толкнула створку, и на неё пахнуло тёмной прохладой, пылью и старым деревом.

Она вошла.

Сначала ничего не увидела. Потом глаза привыкли.

Столы стояли накрытые белыми чехлами. У дальней стены темнела барная стойка. На полках сохранились пустые бокалы — отец всегда ненавидел, когда их убирали в шкаф. «Красивое должно работать даже тогда, когда никто не пьёт», — говорил он.

Анжела медленно прошла между столами.

Вот здесь в детстве она сидела с учебниками, пока отец принимал поставщиков. Здесь разбила первый бокал. Здесь в девятнадцать лет впервые напилась шампанского и соврала, что это случайность. У окна стоял столик, за которым он устраивал ей допросы после свиданий.

Она резко отвернулась.

Не за этим приехала.

Анжела распахнула ставни. В помещение ворвался белый солнечный свет. Пыль поднялась в воздух и заискрилась. За окнами блестело море, вдоль набережной лениво двигались туристы, кто-то смеялся, кто-то тащил ребёнка за руку к пляжу.

Город жил.

Ему было плевать, что её отец умер четыре месяца назад.

Анжела достала телефон. Сообщение от риелтора пришло десять минут назад.

«Буду к четырём. Есть заинтересованный покупатель. Обсудим на месте».

Она посмотрела на часы. Почти два.

Два часа в пустом ресторане. Прекрасно.

Анжела нашла подсобку, включила электрический щит, потом долго ругалась с кондиционером, который сначала молчал, затем захрипел и наконец начал выдувать воздух с запахом старой ткани. В холодильнике, разумеется, было пусто. В баре обнаружилась запечатанная бутылка минеральной воды.

— Папа, я тебя люблю, — сказала она, откручивая крышку. — Но если это просрочено, я тебя прокляну.

Вода оказалась нормальной.

Она присела за барную стойку и открыла папку с документами. Свидетельство о собственности. Выписка. Кадастровый план. Договоры. Часть бумаг она уже смотрела у нотариуса, часть увидела впервые.

На третьей странице обнаружилась записка от руки.

Не отца.

Всего две строчки: «До пятницы. Иначе решим сами».

Анжела нахмурилась.

Ни подписи, ни даты.

Она перевернула лист, проверила папку, но больше ничего странного не нашла.

Телефон завибрировал.

Неизвестный номер.

— Да?

Несколько секунд в трубке молчали.

— Анжела Эриковна Берг?

Мужской голос. Низкий, незнакомый.

— Кто спрашивает?

— Вы уже в городе?

Она медленно выпрямилась.

— Повторяю: кто это?

— Значит, уже приехали.

Связь оборвалась.

Анжела посмотрела на экран. Перезвонила. Абонент недоступен.

— Очень смешно.

Она отложила телефон, но прежнее ощущение тишины исчезло. В помещении вдруг стало слишком много углов, дверей и отражений. Анжела заставила себя вернуться к документам.

В четыре риелтор не приехал.

В четыре пятнадцать написал, что задерживается.

В пять перестал отвечать.

К шести Анжела уже была зла.

Она прошлась по залу, открыла вторую бутылку воды и набрала номер сама. Гудки шли долго. Потом вызов сбросили.

— Да пошёл ты, — сказала она телефону.

За окнами начинал меняться свет. Жара не спадала, просто солнце стало ниже и теперь било в окна почти горизонтально. Анжела решила закрыть ресторан и уехать в гостиницу. Завтра она найдёт другого риелтора, послезавтра выставит объект на продажу, а через неделю вернётся домой.

Она как раз собирала бумаги, когда дверь открылась.

Анжела обернулась.

В зал вошли трое мужчин.

Никто из них не выглядел туристом.

Первому было лет сорок пять. Плотный, коротко стриженный, в светлой рубашке с закатанными рукавами. Второй — моложе, худой, с татуировкой, уходящей от запястья под рукав футболки. Третий остался у двери и сразу посмотрел не на Анжелу, а по сторонам, словно проверял помещение.

Плотный мужчина улыбнулся.

— Добрый вечер.

— Ресторан закрыт.

— Мы видим.

— Тогда что вам нужно?

Он подошёл ближе. Неторопливо. Без угрозы в движениях — и именно поэтому Анжеле стало неприятно.

— Поговорить.

— Говорите.

Мужчина перевёл взгляд на папку перед ней.

— По поводу помещения.

— Если хотите купить, звоните риелтору.

Улыбка стала шире.

— Мы не хотим купить.

Анжела закрыла папку.

— Тогда разговор закончен.

Молодой с татуировкой тихо усмехнулся.

— Борзая.

Анжела повернула к нему голову.

— А ты, вижу, наблюдательный.

Усмешка исчезла.

Плотный поднял ладонь, будто останавливая товарища.

— Не надо начинать. Мы пришли по-хорошему.

— Обычно эту фразу говорят перед тем, как начать по-плохому.

Он посмотрел на неё уже без улыбки.

— Ваш отец оставил кое-какие обязательства.

— Перед вами?

— Перед людьми.

— У людей обычно есть имена.

— Вам сейчас имена ни к чему.

Анжела почувствовала, как раздражение вытесняет тревогу. С детства она плохо переносила мужчин, которые говорили с ней таким тоном — медленно, снисходительно, будто заранее определили её место.

— Тогда слушайте внимательно. Если у моего отца были финансовые обязательства, присылайте документы моему юристу. Если документов нет — дверь там.

Плотный чуть наклонил голову.

— Вы не поняли.

— Нет. Это вы не поняли. Вы вошли в моё помещение без приглашения и рассказываете мне про каких-то «людей». Ещё минута — и я звоню в полицию.

Третий у двери хмыкнул.

— Звони.

Что-то в его голосе заставило Анжелу посмотреть на него внимательнее.

Он действительно не боялся.

Ни один из них не боялся.

Плотный опёрся ладонью о барную стойку.

— Два дня.

— Что?

— У вас есть два дня, чтобы освободить помещение.

Анжела даже рассмеялась.

— Вы серьёзно?

— Абсолютно.

— А потом что?

— Потом вопрос будет решён без вашего участия.

Вот теперь стало холодно.

Не в помещении — внутри.

Но Анжела не отступила.

— Уберите руку с моей стойки.

Мужчина посмотрел на свою ладонь, потом на неё.

— Вы похожи на отца.

— Это комплимент или угроза?

— Предупреждение.

— Тогда я тоже предупрежу. Ещё раз сюда придёте без разрешения — разговор будет другим.

Молодой выругался вполголоса.

— Да что ты с ней церемонишься, Сергеич? Сказали два дня — значит два. Не съедет, вынесем нахрен всё вместе с хозяйкой.

Анжела взяла телефон.

— Отлично. Повтори погромче. Я запись включу.

Он шагнул к ней.

— Ты, сука...

— Димон.

Голос прозвучал от двери.

Не громко.

Но молодой остановился мгновенно.

Анжела сначала увидела, как изменились лица троих мужчин. Плотный отнял ладонь от стойки. Третий у входа выпрямился. Тот, кого называли Димоном, отступил на полшага.

Только потом она посмотрела на вошедшего.

Виктор Брагин стоял в дверях.

Семь лет исчезли слишком быстро.

Анжела ненавидела тело за память. За то, что раньше сознания оно узнало его походку, линию плеч, манеру чуть склонять голову, когда он оценивает происходящее. За то, что сердце сделало один тяжёлый удар и тут же вернуло ей то, что она давно считала похороненным.

Он почти не изменился.

Или изменился именно так, как не следовало.

Стал жёстче. Тяжелее. Спокойнее.

Тёмная рубашка с короткими рукавами, часы на левой руке, несколько серебряных нитей у висков. Лицо человека, которому редко приходится повторять дважды. Он вошёл в зал, и пространство будто перестроилось вокруг него.

Виктор посмотрел на троих мужчин.

— Вышли.

Плотный кашлянул.

— Виктор Андреевич, мы просто разговаривали.

— Я видел.

— Там вопрос по объекту.

— Теперь это мой вопрос.

— Но Зорин...

Виктор посмотрел на него.

Тот замолчал.

Несколько секунд никто не двигался.

Потом плотный кивнул.

— Понял.

Димон явно хотел что-то сказать, но мужчина схватил его за локоть и потащил к выходу. Проходя мимо Виктора, молодой отвёл взгляд.

Дверь закрылась.

В ресторане остались двое.

Анжела медленно положила телефон на стойку.

— Эффектное появление.

Виктор посмотрел на неё.

Его взгляд прошёл по лицу, волосам, плечам — без спешки, без улыбки. Она почти физически почувствовала эту секунду и разозлилась на себя ещё сильнее.

— Ты приехала одна?

Ни «здравствуй». Ни «как ты».

Разумеется.

— И тебе добрый вечер.

— Одна?

— Тебя это каким образом касается?

— Прямым.

Анжела скрестила руки на груди.

— Прошло семь лет, Брагин. Ты всё ещё считаешь, что можешь задавать мне вопросы так, будто я обязана отвечать?

— Нет.

Ответ прозвучал слишком спокойно.

Она ждала продолжения.

Виктор снял взгляд с неё и посмотрел на закрытую дверь.

— Теперь я просто знаю, когда ответ мне всё равно придётся получить.

— Самоуверенность с возрастом не лечится?

— У тебя — тоже.

Анжела усмехнулась.

— Значит, у нас обоих хроническое.

Он подошёл к стойке. Не вплотную — между ними оставалось чуть больше метра. Достаточно, чтобы не чувствовать себя загнанной. Недостаточно, чтобы перестать замечать его запах — прохладный, древесный, слишком знакомый.

Память снова ударила без спроса.

Ночь. Его ладонь у неё на затылке. Её собственный шёпот: «Никто не должен узнать».

Его ответ: «Мне плевать».

Анжела резко взяла папку.

— Если пришёл спасать, можешь не стараться. Я справлюсь.

— Я видел.

— Ты всё ещё хам.

— А ты всё ещё сначала нарываешься, потом думаешь.

— Эти трое мне угрожали.

— Именно.

— И я должна была испугаться?

— Нет. Ты должна была понять, что это не разговор, который выигрывают острым языком.

Анжела прищурилась.

— Ты что-то о них знаешь.

Виктор промолчал.

— Кто такой Зорин?

Пауза.

— Человек, с которым тебе не стоит встречаться.

— Уже начинается.

— Что?

— Вот это. «Тебе не стоит». «Тебе нельзя». «Сиди здесь, не ходи туда». Ты всегда разговаривал так, будто вокруг тебя армия идиотов.

— Иногда так и было.

— А я, значит, одна из них?

Он посмотрел прямо ей в глаза.

— Ты хуже.

— Спасибо.

— Идиоты хотя бы иногда понимают, что им страшно.

Анжела замерла.

— Мне не страшно.

— Врёшь.

— Не тебе решать, что я чувствую.

— Руки дрожат.

Она опустила взгляд. Пальцы действительно слишком сильно сжимали край папки.

Анжела разозлилась и спрятала руку за спину.

— От злости.

— Конечно.

— Не произноси это своим мерзким спокойным голосом.

Впервые угол его рта чуть дёрнулся.

И это было хуже всего.

Потому что именно так он смотрел на неё раньше — когда она кричала, обвиняла, требовала, чтобы он перестал считать себя самым умным человеком в комнате. И именно после таких взглядов обычно случалось что-нибудь, о чём утром приходилось жалеть.

Анжела отвернулась к окну.

— Что им нужно от ресторана?

— Пока не знаю.

— Не верю.

— Это уже твоя проблема.

— Нет, Брагин. Если ты влетаешь сюда, разгоняешь людей одним взглядом и объявляешь «теперь это мой вопрос», то либо объясняешь, что происходит, либо уходишь следом за ними.

Он медленно сунул руки в карманы брюк.

— Хорошо. Твой отец в последние месяцы пытался продать ресторан.

— Знаю.

— Не знаешь.

Она повернулась.

— Что именно?

— Он несколько раз отказывался от сделки в последний момент. Потом перестал отвечать потенциальным покупателям. После его смерти объектом заинтересовались люди Зорина.

— Почему?

— Вот это я и выясняю.

— С каких пор ты занимаешься делами моего отца?

Виктор помолчал.

— Давно.

Одно слово.

Но оно прозвучало неправильно.

Анжела почувствовала внутри знакомый холод.

— Насколько давно?

— Не сейчас.

— Почему?

— Потому что сейчас ты закроешь ресторан и поедешь в гостиницу.

Анжела рассмеялась без веселья.

— Всё. Разговор окончен.

Она сунула документы в сумку и обошла стойку. Виктор не двинулся с места.

— В какой гостинице остановилась?

— Не твоё дело.

— Анжела.

Она остановилась.

Собственное имя в его голосе оказалось опаснее угроз троих незнакомцев.

Анжела медленно обернулась.

— Не надо.

— Чего?

— Так меня называть.

Он смотрел на неё несколько секунд.

— У тебя появилось другое имя?

— Появилась другая жизнь.

На этот раз улыбки не было.

— Вижу.

— Нет. Не видишь.

— Тогда покажи.

Фраза повисла между ними.

Анжела почувствовала, как по спине пробежал холодок, несмотря на духоту. Он не сделал ни шага. Не коснулся её. Даже голос не изменил. Но старая опасность вдруг оказалась здесь — живая, узнаваемая, почти интимная.

Она первой отвела взгляд.

— Не льсти себе.

— Никогда.

— Семь лет прошло.

— Я умею считать.

— Тогда считай дальше. Восемь будет без тебя.

Анжела направилась к двери.

Виктор заговорил ей в спину:

— Сегодня сюда больше никто не придёт.

Она остановилась на пороге.

— Это должно меня успокоить?

— Да.

— А завтра?

— Завтра будет сложнее.

Анжела повернулась.

— Ты мне угрожаешь?

— Предупреждаю.

Она вспомнила недавние слова плотного мужчины и горько усмехнулась.

— У вас тут что, один словарь на весь город?

Виктор подошёл ближе. На этот раз расстояние между ними сократилось почти вдвое.

— Послушай меня внимательно. Пока не поймёшь, что происходит, не приезжай сюда одна. Не встречайся ни с кем, кто предложит купить ресторан за наличные. И если услышишь фамилию Зорин — сначала звони мне.

— Я не буду тебе звонить.

— Будешь.

— Всё ещё считаешь, что можешь мне приказывать?

Виктор посмотрел на неё долго и спокойно.

— Нет.

Анжела уже почти улыбнулась.

И тогда он добавил:

— Теперь я это точно знаю.

Несколько секунд они просто смотрели друг на друга.

Никакой романтики.

Никакой нежности.

Только старая злость, старая память и что-то ещё, чему Анжела отказалась давать имя.

Она вышла на улицу.

Жара ударила в лицо, но после ресторана показалась почти облегчением. Анжела быстро перешла дорогу, открыла машину и бросила сумку на пассажирское сиденье.

Виктор не вышел следом.

Это почему-то раздражало.

Она села за руль, завела двигатель и включила кондиционер на максимум. Только потом позволила себе посмотреть через лобовое стекло.

Он стоял внутри, у окна.

Не махал. Не улыбался. Просто смотрел.

Анжела резко включила передачу.

— Иди к чёрту, Брагин.
Машина тронулась.
На первом перекрёстке телефон завибрировал.
Неизвестный номер.
Новое сообщение содержало всего четыре слова:
«Два дня. Потом поздно».
Анжела перечитала его дважды.
Потом посмотрела в зеркало заднего вида.
Ресторан уже исчез за поворотом.
Но впервые за семь лет ей показалось, что уехать из этого города будет гораздо труднее,
чем приехать.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.